

Рассказ

Екатерина Разумкова

Бабка

По жестяному карнизу колотится гулко, мерно и нудно – не то дождик предутренний, не то предпоследняя капель. Ночное синее за немытыми стёклами выцветает в рассветное серое. Бабка шумно дышит, кашляет, ворочается на матрасе. Вдоль Бабкиного бока, по толстому одеялу, медленно и знакомо крадётся мягкая тяжесть. «Котенька...» – едва слышно шелестит Бабка. Не открывая глаз, наугад, тянет сухую дрожжащую руку – ловит мокрый нос, щекотливые усы – «Котенька пришёл... ми-иленький...» Котенька приваливается к Бабкиному плечу, сопит-похрюкивает, мнёт плечо крепкими полосатыми лапами – лечит.

Бабка подымает тяжёлые веки, чешет Котеньку, смотрит в окно. До чего же грязное. Помыть бы, праздники скоро. А сил нет. Нет сил. Совсем плохо нынче Бабка – хотя лежи вот

так весь день и вовсе не вставай. Но вставать-то надо.

Кряхтит Бабка, убирает за уши нечёсанные космы, сдвигает одеяло вместе с Котенькой и скрипуче подымается над матрасом – тащит-ся ставить чайник.

Чайник посвистывает, Бабка в ванной дерёт зубы синтетической щетиной, сплёвывает розоватую мятную пену. Надо бы сменить пасту. Взять ту, которая от кровоточивости. Кипяток замолчал в заварнике, задумался – чай затевается крутой, как нефть. Бабка кормит Котеньку, льёт подслащённую нефть в кружку, кидает трескучий ледяной кубик из морозилки. Прихлёбывает, шмыгает носом, утирает красные глаза – начинает оживать.

Ясное дело: это третьего дня на улице прохватило. Сначала в стёганой куртке было жарко, к вечеру всё под ней отсырело, а тут и ветришко зловередный. Или это Светка из рекламного обчихала – больничных-то не берём: агента ноги кормят; куй железо, пока рекламодатель горяч. А на послу-живцев – чихать.

На градуснике тридцать семь и три. Нет, помирать рано. Самое

время сгрызть яблоко да проглотить вторую кружечку целебной нефти. Потом поваляться ещё чуть-чуть и доползти до компа – переделать позавчерашний макетик для оконщиков. Что ещё? Пасхальное поздравление читателям, впрок. Слащаво и глупо, но Бабка такое любит. Хочется порой отдохнуть от бесконечных окон, юбилейных скидок и праздничных акций. Хочется поиграть в художника: нежно размыть фон с тонкими завитками, вклеить фиолетовый первоцвет: попса, конечно, но всё лучше восклицательных оконных скидок в плебейских колючих многоугольниках.

Бабкин муж давно проснулся, лежит с ноутбуком на пузе – доигрывает позавчерашнюю киноленту на Фейсбуке. Вчера опять полностью смотрел в наушниках какую-то древнюю дракулатуру и отписывал рецензию. Это у него отдушину такая – старые ужастики рецензировать. А Бабка ужастика давно не смотрит – скучные они, не пугают совсем.

– Ты жива ещё, моя старушка?

Вот что бы лучше ответить – «не дождётеесь» или «хоть сейчас в крематорий, в наш советский колумбарий»? Бабка садится на диван, косится на фейсбучные батальи, обзывает мужа «диванным бойцом».

– Ты бы, Бабка, блинков, штоль, напекла ради воскресенья... – диванный боец прищуривается, гладит несуществующую седую бороду – включил карикатурного деда Щукаря.

– Побойся Бога, старый. Какие блинки! Мне хоть чичас вперёд ногами да на погост, – жалобно ноет-подыгрывает Бабка и нетеатрально утирает нос одноразовым платочком. – Температура тридцать семь и три.

– Так ложись поболь.

– Так макеты сами себя не нари-суют. И окна бы помыть...

– Я помою, только не прямо сейчас.

Бабка мается. Но уже не столько от простуды и уж, во всяком случае, совсем не от грязных окон. Бабку ест любопытство. Отобрать бы мужнин ноут, да залезть в мессенджер, да порыться там от души.

Пошлятина какая, фу, такой вредной женой быть.

Но фейсбучный мужнин флирт Бабке неинтересен – сама флиртует в сетях, не подвергая, впрочем, супружескую крепость ни малейшим угрозам. Бабку интересует другое. История двадцатилетней давности, когда они с мужем ещё и не подозревали о существовании друг друга... И, конечно, поразительное продолжение этой истории, во всех возможных подробностях.

– Скажи, она давно тебе писала?

– Кто она?

– Ну, как кто... Рита.

– Да говорю же, что она мне не писала! Анжела писала, Рита – нет. Я даже не знаю, какая у Риты фамилия.

– И фото маленького не присылала?

Муж начал терять терпение:

– Нет, не присылала! Да что тебя это так интересует-то?

– Ну, как же... Это ведь наш... Внук!

– Это мой внук, если уж на то пошло. Не примазывайся.

Бабка сжимается в чуть обиженный клубочек на диване. Расспросы теснятся в её буйно-кудрявой, красновато-каштановой голове. И поди докажи, что это не от рев-

ности; сказать кому – не поверит. Но какая, скажите, может быть ревности к той, давней красавице Анжеле, двадцать лет назад уехавшей из страны с дочерью Ритой внутри – к неведомому, чужому человеку, который Риту усыновил и теперь официально числится Дедом?

– Как его хоть зовут-то?

– Кого?

– Внука...

– Да не знаюя! Анжела давно не появляется на Фейсбуке. И ВКонтакте её нет. Мне всё это не интересно, я тебе уже сто раз говорил. Вот если бы у нас с тобой был ребёнок – тогда дело другое.

Да уж...

Помечтать – оно, конечно, порой занятно. В теории всё легко и весело: детей, говорят, приносят аисты. А от практики муж звыл бы первым и наверняка повторил трусливый путь своего папы-многожёнца. Сам же говорил перед свадьбой: дети – маленькие людоеды, и повезло же мне было найти девушку, которая думает совершенно так же.

А если совсем-совсем честно, то Бабке всегда было эгоистично жаль своего плоского живота, тонкой спины, полутроческих бёдер. Если бы детей находили в капусте... Или если бы люди умели хотя бы метать икру либо складывать яйца... Но нет же. Создавая женщину, дизайнер этого мира чудовищно накосячил. Почему жирафики рожают чуть ли не на бегу? Почему кошкам беременность только к лицу, они такие становятся милые? И ни токсокоза у них, ни искривления позвоночника. А брюхатые человеческие самки превращаются чёрт знает во что. Когда-то Бабка сочинила пост для чайлфдришной группы, где описала тяжёлую женскую болезнь Graviditas. Болезнь эта передаётся половым путём и лечится исключительно хирургически. Френды долго смеялись в каментах, цитировали Бабкины псевдо-медицинские термины. Кто-то сохранил шедевр у себя, запостил на каком-то мамском форуме и собрал гневный урожай тамошних полуграмотных вскукареков.

Какими злыми бывают несчастные клуши в перерывах между сюсюканьем и выкладыванием младенческих фотошек... Потом они с тем же напором будут орать на своих подростках «годовасиков», не прощая им запачканных одёжек, школьных двоек и расстроенной супружеской жизни.

Пресловутый «стакан воды»? Кому-кому, а Бабке он, скорее всего, не понадобится. Как-то так вышло, что её деды-прадеды с обеих сторон гибли на лету, стремительно: кто от проворного инфаркта, кто от меткого инсульта, кто от несчастного случая. Один прадед сгинул на войне, навек оставшись тридцатилетним, и не увидел внуков. А Бабка вот обманула судьбу. Наверное, если она будет хорошей, муж смягчится, разыщет дочку и её малыша – покажет фото. А может, даже познакомит.

Температура, кажется, спадает, спасибо чаю. Можно уже попробовать подняться с дивана, включить компьютер и порисовать, но Бабка пригелась возле мужа, а рядом пригелся Котенька.

Ничего страшного, поваляемся ещё. Потом будет пасхальное поздравленьице и оконный макет. А ближе к вечеру Бабка, пожалуй, выкатит из общего тамбура своего

Екатерина Разумкова

Ослика и лихо помчит по весенней улице – купить бутылку красного вина и связку бананов. И будет много-много солнца и ветра. И удобные башмаки идеально сольются с педалями, и легкомысленная кепочка будет гореть на всю улицу нахальным бирюзовым пятном. И в магазине, как всегда, ей так не льстили. Лет с четырнадцати, когда все говорили, что ей на вид – восемнадцать.

А бедные старухи у подъезда припишут ей все положенные молодые грехи. Потому что сами грешили в молодости. Но забыли, что грешить можно и нужно, хоть иногда совсем не хочется – и тогда грешить не надо. Счастье порой действительно бывает безгрешным – особенно, когда отгрешили за тебя, и ты так благодарна мужу за этот давний «грех» и его забавные последствия. Хорошо посмеяться над одуроченной природой. Посмеяться в очередной раз, красуясь у длинного зеркала в бирюзовой кепочке на крутых кудрях без намёка на седи-ну, в узких девичьих брюках.

Бабкин летний полдень будет длиться и длиться. Бабкин пятнадцатилетний брак всё ещё сияет, как новенький. И муж всё ещё красавец – ни брюха, ни плечи. Не ржавеет, с проседью стал только интереснее. Стыдно сказать, но именно за красоту Бабка его когда-то и выбрала, сама будучи далеко не идеалом. И ничего не сделала для того, чтобы оказаться одной-единственной на долгие годы. Это вышло как-то само. И не надо себе врать: ей приятны мужнины разговоры о ребёнке. Мысли о ребёнке неприятны, сама идея беременности вызывает чуть ли не рвотный спазм, но разговоры – ужасно нравятся. Хоть она и не признает этого вслух никогда и ни за что.

Так странно! И так весело. Одно немного печалит Бабку: вдруг внучок в своём загранице не научится толком говорить по-русски. Эх, она бы научила его. Читала бы ему русские книжки, самые умные и весёлые. А потом приохотила рисовать виртуальные картинки, верстать странички, стряпать мультики. Они вместе сочинили бы и нарисовали книжку – пёструю, хулиганскую, незабываемую. Если бы этот далёкий мальчик знал, какая у него клёвая внебрачная бабка в России! Что тебе стоит, господин мой и повелитель, деспот-и-мещанин? Ну, кому от этого будет плохо?

Бабка прячет лицо в Котенькином рыхлом меху и скалит молодые зубы в беззвучном девчоночьем смехе. Бабка поправляется. Бабка счастлива. Бабке – тридцать пять лет.